

83.143(2=411.2)5-8

P41

CA-407635

*“Побольше свету!
У нас везде темно,
очень темно...”*

Илья Репин

A detailed oil painting portrait of Ilya Repin, showing him from the chest up. He has dark, wavy hair, a full beard, and is wearing a dark suit jacket over a white shirt and a dark tie. The background is dark and textured.

Илья Репин

СВЕТ И ТЕНИ
РУССКОЙ ЖИЗНИ

ЗАМЕТКИ ХУДОЖНИКА

Илья Репин

СВЕТ И ТЕНИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

ЗАМЕТКИ ХУДОЖНИКА

СА-407635

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Москва ✓

РОДИНА

2023

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. «Бурлаки на Волге» и другие этюды русской жизни

Военное поселение	6
Бедность	11
Трудная дорога	14
Бунт в Академии	29
Смертная казнь	42
«Бурлаки на Волге»	54

Часть 2. «Будьте совершенны». Гении и мученики России

«Что есть истина» (Н.Н. Ге)	100
«Бог один для всех» (Л. Н. Толстой)	132
«Величайшая сила жизни» (В.А. Серов)	151
«Не сотвори себе кумира» (М.М. Антокольский)	162

Часть 3. «Везде свет и тень у нас...» Из писем И.Е. Репина . . . 169

25.143(2=411.2)5-8
Р44
25.143(2=411.2)52-8 Репина И. Е.
Часть 1
СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1

«Бурлаки на Волге» и другие этюды русской жизни

(из книги И.Е. Репина «Далекое близкое»)

ВОЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Я родился военным поселенцем украинского военного поселения. Это звание очень презренное, — ниже поселенцев считались разве еще крепостные. О чугуевских казаках я только слышал от дедов и бабок. И рассказы-то все были уже о последних днях нашего казачества. Казаков перестроили в военных поселенцев.

О введении военного поселения бабушка Егупьевна рассказывала часто, вспоминая, как казаки наши выступили в поход прогонять «хранцузу» «аж до самого Парижа», как казаки брали Париж и уже везли домой оттуда кто «микидом», кто «мусиндиле» и шелку на платья своим хозяйкам.

Пока казаков не было дома, их казацкие обиходы в Чугуеве все были переделаны. Часто рассказывала бабушка о начале военного поселения — как узнала она от соседки Кончихи, что город весь с ночи обложен был солдатами. Бабы напекли блинов и понесли своим защитникам солдатущкам: «Может и наших в походе кто покормит». Но солдаты грубо прогнали их: «Подите прочь, бабы! Мы воевать пришли. Начальство, вишь, приказало не допускать: казачки могут отраву принести».

В недоумении стали мирные жители собираться кучками, чтобы разгадать: солдат сказал, что и город сожгут, если

будете бунтовать. Стояли мирно, озабоченные, и толковали: «Вот оказия!».

К толкующим растерянным простакам быстро налетали пришьлые полицейские и патрули солдат, требовали выдачи бунтовщиков. Большинство робко пятилось. Но казаки — народ вольный, военный, виды видали, а полиции еще не знали.

— Каки таки бунтовщики? Мы вольные казаки, а ты что за спрос?

— Не тыкай — видишь, меня царь пуговицами потыкал. Взять его, это — бунтовщик!

Смельчаков хватали, пытали, но так как им оговаривать было некого, то и засекали до смерти.

Такого еще не бывало... Уныние, страхи пошли. Но местами стали и бунтовать. Бойкие мужики часто рассказывали о бунтах. захлебываясь от задору. Казачество селилось на возвышенностях; и Чугуев наш стоит на горе, спускаясь кручами к Донцу, и Шебелинка вся на горе. Шебелинцы загородились телегами, санями, сохами, боронами и стали пускать с разгону колесами в артиллерию и кавалерию, подступившую снизу.

— А-а! Греби его колесом по пояснице! — кричали с горы расходившиеся удалцы. — Не можем семисотную команду кормить!

Развивая скорость по ровной дороге, колеса одно за другим врезывались в передние ряды войска и расстраивали образцовых аракачеевцев. Полковник скомандовал:

— Выстрелить для острастки холостыми!

Куда! Только раззадорились храбрецы.

— Не бере ваша подлая крупа — за нас бог! Мы заговор знаем от ваших пуль. Не дошкулишь!

Но, когда картечь уложила одну-две дороги людьми, поднялся вой... отчаяние... И — горе побежденным... Началось засекание до смерти и все прелести восточных завоевателей...

* * *

Отец мой уже служил рядовым в Чугуевском уланском полку, а я родился военным поселянином и с 1818 по 1857 год был живым свидетелем этого казенного крепостничества. Началось с того, что вольных казаков организовали в рабочие команды и стали выгонять на работы.

Прежде всего строили фахверковые казармы* для солдат. Нашлось тут дело и бабам, и девкам, и подросткам. Для постройки хозяйственным способом из кирпича целого города Чугуева основались громадные кирпичные заводы. Глины кругом — сколько угодно, руки даровые — дело пошло быстро.

Из прежних вольных, случайных, кривых чугуевских переулков, утопавших во фруктовых садах, планировались правильные широкие улицы, вырубались фруктовые деревья и виноградники, замаскивались булыжником мостовые циклопической кладки — Никитинской и широкой Дворянской улиц.

Бабы по ночам выли и причитали по своим родным уголкам, отходившим под казенные постройки, квартиры начальству, деловые дворы, рабочие роты и воловьих парки.

* Фахверковые казармы — постройки, сооруженные на железном или деревянном каркасе; промежутки между основами каркаса закладывались кирпичами

Я увидел свет в поселении, уже вполне отстроенном: я любовался уже и генеральными смотрами «хозяевам» и «нехозяевам», производимыми графом Никитиным. Мы, мальчишки, взбирались на пирамидальные тополя, росшие на плацу, чтобы лучше видеть и графа Никитина и проходившее перед ним военное пахарство. И кругом плаца и далеко по Никитинской улице уходили вдаль, серые группы запряженных телег с торчачими дрекольями и сошниками, блестящими на солнце. Поселяне ненавидят эти смотры, и никто из родственников не пойдет смотреть на позор своих, которых нарядили арестантами напоказ всему миру, гадко смотреть.

За нарядами поселян начальство смотрело строго: поселянки не смели носить шелку. Раз на улице, в праздник, ефрейтор Середа при всех сорвал шелковый платок с головы Ольги Костромитиной — девки из богатого дома — и на соседнем дворе Байрана изрубил его топором.

Девки разбежались с визгом по хатам: улица опустела. Мужики долго стояли истуканамн. И, только когда Середа скрылся, стали все громче ворчать: «Что это? Зачем же такое добро нівечить?* Надо жаловаться на него. Да кому? Ведь это начальство приказало, чтобы поселянки не смели щеголять. Шелка, вишь, для господ только делаются!»

Несмотря на бесправную униженность, поселяне наши были народ самомнительный, гордый. Кругом города было несколько богатых и красивых сел малороссиян — народ нежный, добрый, поэтичный, любят жить в довольстве, в цветничках, под вишневыми садочками. Чугуевцы их презирали: «хохол, мазец проклятый» даже за человека не считался.

* Нівечить — портить (укр.).

доносились даже сюда нестерпимая вонь от дохлятины из Страшного рва.

— Ну, будет тебе, барыня, прохлаждаться, пора и на работу! — крикнул на маменьку Середа. — А ты чего таращишь глаза? — подошел он ко мне. — Будешь сюда ходить, так и тебя заставим ногами глину месить. Вишь, барыня, не могла с собой взять обеда — носите за ней! Еще не учены... за господами все норовят.

* * *

Скучно и тяжело вспоминать про это тяжелое время нашей бедности. Какие-то дальние родственники даже хотели выжить нас из нашего же дома, и маменьке стоило много стараний и много слез отстоять наши права на дом, построенный нами для себя на наши же деньги.

Середа нас допекал казенными постоями: в наших сараях были помещены целые взводы солдат с лошадьми, а в лучших комнатах отводили квартиры для офицеров.

Маменька обращалась с просьбой к начальству; тогда вместо офицеров поставили хор трубачей, и они с утра до вечера трубили кому что требовалось для выучки, отдельные звуки. Выходил такой нарочитый гам, что ничего не было слышно даже на дворе, и маменька опухла от слез. Все родные нас покинули, и некому было заступиться...

Трудная дорога

Ох, это сон!.. Не может быть, чтобы это было не во сне: вот так, на наружном месте громадного дилижанса я сижу уже не первые сутки и еду, еду без конца...

Впереди четверка почтовых лошадей, впряженных в дышло, дальше, на длинных ременных постромах, еще две лошади; на одной сидит мальчик-форейтор с оттопыренными локтями. Он высоко подымает поводья и, болтая ногами, старается посильнее ударить каблуками в бока лошади.

Впереди меня опытный ямщик в ямщицкой шляпе держит массу вожжей в левой руке, а правой длинным кнутом без сожаления стегает правую пристяжную. Хорошо, что она с ленцой...

Ух, как у меня застыла спина, трудно разогнуться; на остановках я едва могу слезть с высочайших козел и через громадное колесо спрыгнуть на замерзшую землю, покрытую инеем. Как больно ступить на ноги после долгого сидения!

А может быть, все это во сне? Я проснусь и вдруг окажется — я в Сиротине, в большой каменной церкви; может быть, еще не все образа, взятые много поштучно, закончены...

А как страшно вспомнить и сейчас даже, что я едва не упал там с высочайших лесов на каменный пол церкви, когда писал «Святую троицу».

Это привычка у меня отскакивать от работы во время писания. А загородки не было, — так за авось сколько гибнет мастеровых! Какое счастье, что я жив и еду в Москву, а из Москвы... но это уж опять фантазия...

Поеду в Питер?!.. Холодно, руки стынут, поясницу не разогнешь, и неудобно поворачиваться. На мне шубка, покрытая сукном стального цвета, и кошачий мех нежно отогревает меня; а сверх этого на мне шинель черного сукна с «ветряком»*.

* Шинель с «ветряком» — с пелериной.

ла мне маленькую комнату с полусводом; она отдала бы ее за шесть рублей. Комнатка мне понравилась, я стал торговаться, предлагая пять рублей, так как ведь это же довольно далеко от центра.

— Да ведь вы, вероятно, студент, так еще удобнее вам, лишь бы поближе к университету.

— Нет,— смущаюсь я, чрезвычайно польщенный ее предположением, что я студент, — нет, — запинаюсь я. — Я намерен поступать в Академию художеств, — сразу выпалил я.

— О-о, как хорошо! Мой муж художник-архитектор, а мой племянник тоже поступает в Академию художеств.

Я трепещу от радости, и мы сговариваемся за пять рублей пятьдесят копеек за комнату в месяц.

Мне захотелось сейчас же перебраться в эту комнатку с окном мансарды и начать что-нибудь писать.

Бунт в Академии

В середине шестидесятых годов Академия была более свободной, более грязной, закоптелой, душной и тесной от разнородной толпы учащихся. В рисовальных классах номерованных мест не хватало, ученики сидели даже на поленьях, кое-как положенных у самого пьедестала натурщика.

По винтовой каменной лестнице, темной и грязной, поднимались в низкую, со сводами, антресоль, служившую нам шинельной, едва освещенную фотогеном, с нишами и темными закоулками. Живописность камеры дополнялась разнообразием одежд и лиц, сновавших в разных направлениях.

Кого только тут не было!

Были и певучие хохлы в «киряях з відлогами»*, мелькали бараньи шапки, звучал акцент юга. Попадались и щегольские пальто богатых юношей и нищенские отрепья бледных меланхоликов, молчальников, державшихся таинственно в темных нишах. Посредине, у лампы, слышен громкий литературный спор, студенческая речь льется свободно: это студенты университета, рисующие по вечерам в Академии художеств. По углам — робкие новички-провинциалы с несмелым шепотом и виноватым видом. А вот врываются две изящные аристократические фигурки, слышатся французские фразы и разносится топкий аромат духов.

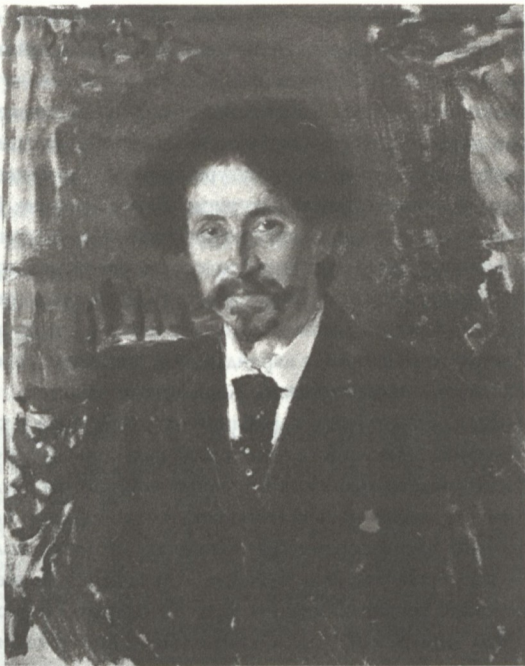
Необыкновенно приятна была эта свежесть озона в спертom воздухе гардеробной. В длинных академических коридорах нестерпимо ел глаза острый запах миазмов от удобств старого закала.

Во всех коридорах дуло со двора; кругом веяло холодом и вонью, но прилежание учащихся было образцовое. У двери рисовального класса еще за час до открытия стояла толпа безместных, приросши плечом к самой двери, а следующие — к плечам товарищей, с поленьями под мышками, терпеливо дожидаясь открытия.

В пять часов без пяти дверь отворялась и толпа ураганом врывалась в класс; с шумным грохотом неслась она в атаку через препятствия, через все скамьи амфитеатра вниз, к круглому пьедесталу под натурщика, и закрепляла за собой места поленьями.

Усевшись на такой жесткой и низкой мебели, счастливицы дожидались появления натурщика на пьедестале. Натурщиц тогда и в заводе не было. Эти низкие места назывались

* Кирея з відлогою — суконный плащ с капюшоном (укр.).

В.А. Серов. Портрет художника И. Е. Репина.

Илья Ефимович Репин родился в городе Чугуеве, Харьковской губернии. Связь с родным городом и Слободской Украиной Илья Репин пытался сохранять до конца жизни, а украинские мотивы занимали важное место в творчестве художника.

Уже с самого начала своего творческого пути Репин стал одной из ключевых фигур реализма в живописи. Художнику удалось решить задачу отражения в живописном произведении всего разнообразия окружающей жизни. Он сумел охватить все стороны современности, затронуть темы, волнующие общественность, живо реагировал на злобу дня.

ных, беспримерных размеров и вынес один на своих плечах вопрос существования целой русской школы живописи. Колоссальный, необыкновенный подвиг!..

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

...Студенчество шестидесятых годов kloкотало подавленным вулканом, и его прорывало в разных местах опасными неожиданностями. Внутри образованных кружков молодая жизнь кипела идеями Чернышевского. Ссылка его пролетела ураганом из края в край через университеты. Бурлило тайно все мыслящее; затаенно жило непримиримыми идеями будущего и верило свято в третий сон Веры Павловны («Что делать?»).

Даже у нас, в Академии художеств, глухо, по-своему волновались смелые головы, пробившиеся в столицу из дальних краев и подогретые здесь свежими событиями 1861 года.

В шестидесятых годах ученичество Академии художеств было более чем ремесленного закала: бедное, лохматое и малообразованное; особенно провинциальные акценты, с разнообразием потертых инородческих костюмов, делали всю эту ватагу своею, домашнею. Больше всего выделялись мало-россияне: с особенной развязностью они громко и певуче не умели молчать.

По обличью ученики, соответственно своим интересам, резко делились на кружки: “по старому уставу”, особенно вольнослушатели, были очень беззаботны насчет литературы, и по уставу 59 года, прогрессисты, соприкасавшиеся со студенчеством. Эти отличались особенно заботливостью о литературе. Учились на лекциях, читали и особенно быстро

поглощали все фейерверки текущей злободневной тогда журналистики. У каждого “развитого” (о, какой он развитой! — говорилось о таких, и этим говорилось все) были излюбленные три лица, их карточки стояли на самом почетном месте письменного стола; лица эти большею частью были: Чернышевский, Лассаль и Прудон.

Ненавистные лица — тоже три, — вырезанные из фотографических карточек, болтались на виселицах, на особо устроенном эшафотике, где-нибудь на видном месте стены, посреди комнаты.

Лица эти были: Катков, М. Н. Муравьев и Наполеон III.

Из литературы два героя, как образчики для подражания, преобладали в студенчестве: Рахметов и Базаров. Книгой “Что делать?” зачитывались не только по затрепаным экземплярам, но и по спискам, которые сохранялись вместе с писаной запрещенной литературой и недозволенными карточками “политических”.

* * *

Среди учеников Академии я очень полюбил хохлов за их ласковость и звучные песни, которые они прекрасно и стройно пели на наших вечерах после академического вечернего класса. По очереди мы собирались рисовать у кого-нибудь из товарищей. Хозяин комнаты, наш же товарищ, хлопотал о самоваре и сидел на натуре для всей компании.

Симпатизируя всегда малороссиянам, скоро и я добыл себе «кирею з відлогою» и ходил в ней, часто краснея от внимания петербургской публики. У меня был урок на Шпалерной улице, и путь мой лежал по Дворцовой набережной до самого Литейного моста, тогда еще разводного, деревянного,

Часть 2

«БУДЬТЕ СОВЕРШЕННЫ». ГЕНИИ И МУЧЕНИКИ РОССИИ

(из воспоминаний и заметок И.Е. Репина)

«ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА». (Н.Н. Ге)

1-го июня 1894 года умер Николай Николаевич Ге. Прекрасный честный человек, страстный художник, горячий проповедник «высших потребностей человека», он считал искусство «выражением совершенства всего человечества».

Положа руку на сердце, можно искренне радоваться за него, как завещал Микеланджело, радоваться, когда человек умирает с сознанием честно прожитой жизни.

Ге был оптимист, он верил в человека, верил в добро, верил в действие искусства на массы и глубоко был убежден в скором и возможном осуществлении царства божия на земле.

После чисто художественной деятельности в Италии Ге попал в Петербург (1863) в самое неблагоприятное для искусства, нигилистическое время, когда во всем признавалась только утилитарность и когда бесценное искусство отвергалось как ненужный хлам. Науки признавались только естественные да прикладные полезные знания. Во всем искали новых начал. Ученые доктора не верили в медицину и практику считали шарлатанством. Искусство презирали, над художниками смеялись. Фраза «искусство для искусства»

Н.Н. Ге. «Что есть истина?» Христос и Пилат.

Картина написана на известный евангельский сюжет.

Она изображает эпизод суда прокуратора Иудеи Понтия Пилата над Иисусом Христом, обвинявшемся в покушении на захват власти в Иудее. Название картины («Что есть истина?») представляет собой цитату из Евангелия от Иоанна.

И.Е. Репин высоко оценил эту картину, понравилась она и Л.Н. Толстому. «Пилат – римский губернатор, вроде наших сибирских губернаторов. Он живет только интересами метрополии и с презрением относится к смутам грубого, суеверного народа, которым он управляет, – писал Толстой. – Что может оборванный, нищий мальчишка сказать ему об истине? Пилату не интересно дослушивать тот вздор, который ему может сказать этот еврейский жидок, и даже немножко неприятно, что этот бродяга может вообразить, что он может поучать римского вельможу». Однако в высших сферах власти было другое мнение об этой картине: император Александр III запретил экспонировать работу Ге, потому что она «оскорбляет чувства верующих».

— Вижу, вы думаете добиться добросовестной штудией, — техникой, — пустое, юноша, верьте мне, это устарелая метода. Надо развивать в себе силу воображения. Одушевление, вера в свое дело — вот что рождает художественные создания.

* * *

Мою мастерскую в Академии Ге посетил в первый раз в обществе Тургенева. Я писал тогда «Бурлаков». Когда они вошли, я не знал, на кого смотреть; Тургенева я увидел тут в первый раз. По обычаю парижанина он не снял шведских перчаток. Тургенев, сидя перед моею картиною, рассказывал со всеми подробностями свою поездку в Тиволи с А. А. Ивановым, очень живо подражая даже манере Иванова в разговоре. Однако меня это немножко коробило; мне казалось: несколько свысока и с комической стороны он трактовал гениального художника. Он говорил потом, что у Иванова был рассудочный прием ученого (индуктивный). Иванов, например, собирал все, какие только мог найти, изображения Иоанна Крестителя и других апостолов, со всех делал себе этюды и потом все это сводил, ища верный тип, то есть портрет данной личности, — труд тяжелый и нехудожественный, по его мнению. Потом заговорили о Герцене.

Когда они ушли, Ге быстро вернулся, взял меня за обе руки и заговорил быстро, полушепотом: «Слушайте, юноша, вы сами еще не сознаете, что написали, — он указал на «Бурлаков». — Это удивительно. «Тайная вечеря» перед этим — ничто. Очень жаль только, что это не обобщенно — у вас нет хора. Каждая личность поет у вас в унисон. Надобно было выделить две-три фигуры, а остальные должны быть фоном картины; без этого обобщения ваша картина — этюд. Ах,

впрочем, вы меня не слушаете, это уже специальные придирки. И Рафаэль, и Джотто, и Чимабуэ не задумались бы над этим. Нет, вы оставьте так, как есть. Это во мне говорит старая рутинка».

И он быстро ушел.

Картина моя была уже окончена. Но как он осветил мне ее этим замечанием зрелого художника. Как он прав! Теперь только я увидел ясно скучную, сухую линию этих тянущих людей, нехудожественно взятых и сухо законченных, почти все одинаково. «Да, разумеется, это этюд, — подумал я, — я слишком увлекся типами». Но у меня уже не хватало духу переделать все сызнова. «Тайная вечеря» — ничто, вспомнил я его слова. Нет, она идеал картины. Какая широта живописи и обобщения, какая гармония, какая художественность композиции...

В это время складывалось уже Товарищество передвижных художественных выставок. Ге всецело примкнул к этому начинанию и сблизился с Крамским. Умный и дальновидный, Крамской сразу понял, что Ге на скользком пути в искусстве. «Ох, не снесет он благополучно своей славы!» — с грустью говорил он и очень ловко и деликатно наводил его на важность выполнения картины для несомненного успеха у массы зрителей.

Крамской, работавший всегда больше головой, искренне увлекся этим непосредственным ярким талантом и всей душой желал быть ему полезным; он затеял писать портрет с Ге и подолгу проводил время у него. Ге постоянно мешал выполнению портрета, ему не по сердцу был осторожный и верный прием Крамского, он добивался от него творчества и художественной свободы, — портрет так и не был дописан. Но влияние Крамского отразилось на Ге благотворно, — он стал

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГР РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49